

БРОЖУ ВЕСЬ МАРТ...

Брожу весь март, сижу в библиотеках монастырских, и опять перечитываю книги старые.

Ведь никому не нужен в мире этом ни я, ни эти книги.

Мы лишь друг другу так необходимы, чтобы прошлое не потерять.

О, как прекрасен запах старых книг, когда впервые за десятки лет страницу первую откроешь.

Одно из удовольствий археолога-героя

впитать в глаза и сердце навсегда

размеренное чистое былое.

ПОДСЛУШАННЫЙ РАССКАЗ ШКОЛЬНИЦЫ

На станции купила все, что просила мама.

Так получилось, что расплатилась точь-в-точь, без сдачи.

Приехала, нашла несколькодохлых мышей на даче, ржавый замок от взорванного в тридцатые храма.

А потом приехал дедушка, директор школы, похожий на профессора Паганеля.

И мы собирали листья желтые вдоль забора и в полный голос весь вечер пели.

У почты в сумерках сидит дисциплинированная кошка.
Доносятся с бульвара звуки музыки,
зачитывают приветственные тексты.
Второе лето сладко погружаюсь
в узор из ласточек и в музыку военного оркестра.

Шел по проспекту вдаль фонарную-невозвратную,
и мне казалось, что все прохожие
на баррикадах с утра толкуются,
и я решил занять оборону в районе площади Конституции
и превратиться во что-нибудь самоходное-безоткатное.

Судя по письмам, ты провела это лето отчаянно, впопыхах,
не нуждаясь ни в идолах, ни в скарабеях.
А я болтался по маленьким морским музеям
на жарких греческих островах
в окружении каракатиц, вина и мидий.
Ничего не запомнил кроме диплома помощника капитана,
выданного Ставросу Эфримиди.

Вдруг что-то кажущееся близким и недавним
становится таким далеким,
при этом состоявшимся и гармоничным.
И на короткий миг ты представляешь,
как время упаковывает день сегодняшней
без суеты и надоедливой звука
в прозрачный сверток сна и ностальгии,
в семейный сувенир для внуков.

Видимо был я кому-то нужен,
коль прорывался к большой реке
сквозь дождь библейский,
сквозь грязь и лужи
на старом колхозном грузовике.
Рычал мой ржавый металлолом,
жрал землю, воду черную, подлетая
на кочках влажных, куда веслом
гнала нас женщина молодая.

Жить бы в захолустном городишке,
в старом кирпичном доме на холме,
над широкой нищей рекой,
чтобы пахло внутри нафталином,
чтобы солнечные лучи
спотыкались о треснувшие по диагонали стекла,
чтобы кирпичи царапали тени бредущих мимо.

Я ждал бы-встречал-снова ждал,
ночевал бы у воды, у шпал
среди маршрутов и потоков,
порою невидимых, порою зримых,
различал бы приближение чье-то
и чье-то движение мимо.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ХАОС

Куплю квартиру в Терми или Перистера –
к Салоникам поближе.

И скроюсь в пыльной дымке книжной,
чтобы достойно встретить смерть на склоне лет.

У местного старьевщика куплю библиотеку,
заполню книгами ее со стенограммами бесед
великих Киссинджера и Мао,
чтоб их читать, читать без пауз.

И это будет лучший фон
для превращения в ион,
для возвращения в хаос.

МЕЖДУ 2 И 4

Уроки фортепиано на четвертом этаже.

Бах оживает, сопровождая музыкой воспоминания.

А на втором этаже собака воеет постоянно, без пауз.

Родившаяся слепой, она во мгле и во власти страха.

Такие же чувства иногда посещали

Иоганна Себастьяна Баха.

Теперь их дуэт вечерний — концерт для меня одного.

Наполнен музыкой старый дом,

собака воеет на всем втором,

с четвертого ей подпевает Бах,

реагирую нервно на звук и взмах,

зажатый меж полом и потолком.